

ДИРЕКТОР ФРОНТОВОГО ТЕАТРА

Труд-4 - прил. к газ. Труд - 1994 - 8 мая - с. 6

В 1941 году я работал в Сталинабаде, нынешнем Душанбе, в первом и единственном во всей республике русском драматическом театре. Молотов, объявивший по радио о том, что началась война, застал меня в парикмахерской. В театре в это время шла репетиция, и я ворвался на сцену с криком: «Ребята, война!»

Ребята тут же бросили репетировать, заохали, заахали, вдоволь наорались — и побежали по военкоматам. А в военкоматах уже было столпотворение, и, что самое главное, нас там знали — мы, бывшая московская студия Дикого, приехали в Таджикистан еще в 1937 году. Люди в форме куда-то позвонили и сказали нам: «Идите с Богом — театр должен работать». Мы и ушли.

А потом несколько актеров (в том числе и ваш покорный слуга) отправились в Совет Министров Таджикистана и сказали, что так жить мы не можем — уж больно мучает совесть. Мы хотим на фронт, хотим создать русско-таджикский фронтовой театр. Долго ли коротко, но в конце концов был организован фронтовой театр Таджикской ССР, а художественным руководителем назначили меня. С собой мы взяли «Без вины виноватых» Островского и полтора часовую эстрадную программу «Привет друзьям!». Ставил этот спектакль известный кинорежиссер Сергей Юткевич, а оформил его блистательный режиссер и актер Николай Акимов, в то время оказавшиеся в Сталинабаде. Текст написали популярные сатирики Борис Ласкин и Николай Рожков.

Совет Министров Таджикистана послал заявку в Политуправление РКК и Министерство культуры СССР. Мы получили разрешение, нам выдали какие-то деньги, и театр отправился в Москву на просмотр. Показывались мы в Доме Красной Армии на площади Коммуны, наша эстрадная программа имела бурный успех — она и в самом деле была хоть куда, не чета нынешним шоу. Заминка была только одна: наши актрисы были одеты в белые вечерние платья, мужчины — в черные костюмы, а руководство Политуправления потребовало переодеть всех в ватники. Я встал на дыбы — в ватниках мы на фронт не поедем, что это будет за привет тыла! Комиссары немного поворчали, но в конце концов все уладилось — на какой фронт вы хотели бы поехать? А мне очень хотелось повидать Рокоссовского — вот я и назвал Центральный фронт.

В районе Курска было село Михайловское, а там (я выдаю военный секрет) расположился штаб Рокоссовского. Небо было красным от взлохот,

Подбирая кандидатов под нашу рубрику «Персона недели», мы, естественно, думаем прежде всего о тех, кто обратил на себя внимание в предшествующие выходу газеты дни. Но на этой неделе для нас, да и для всего нашего народа, подлинными персонами недели, безусловно, являются те, кто воевал, кто принес нам Победу. Мы на них смотрим (всегда бы так) новым взглядом, как бы «впервые»... Среди них и Георгий МЕНГЛЕТ — один из старейших наших артистов. В сентябре ему исполнится 85 лет. Его роли отлично известны всем, а то, что Праздник Победы имеет к нему самое непосредственное отношение, знают немногие. Фронтовой театр, который возглавлял Менглет, исколесил передовую, его спектакли радовали солдат... Но это рассказ не о нем, это сам Менглет рассказывает читателям «Труда».

вдали что-то рвалось, но актеры чувствовали себя спокойно. Уверенность внушало то, что сопровождавшего нас майора звали Караулов — фамилия надежного человека.

Нас провели в землянку, а в ней небольшой зрительный зал, рояль, сцена и даже занавес есть. В первом ряду стоит кресло — для Рокоссовского. Нас предупредили, что генерал армии ждать не любит, и, как только Рокоссовский опустился в кресло, мы подняли занавес — я в щелочку видел, как он привскочил от неожиданности.

Мы показывали «Привет друзьям!» — и успех был большим. Зрители хотели до упаду, а после финала на сцену поднялись сам Рокоссовский, мужчина огромного роста, голубоглазый, с бровями вразлет, словом, идеальный герой-любовник, его начальник штаба и член Военного Совета фронта. Больше всего им понравилось, что актеры красиво одеты и что во время представления никто не стрелял. А наутро мы уже были на передовой.

Нам дали грузовичок с бронированными бортами. Караулов оделся поплотше, и в пять утра мы уже играли на опушке леса. Зрителей собралось видимо-невидимо, не меньше, чем рокианатов во время концерта на Васильевском спуске. Перед началом нас попросили не обращать внимания на возможный обстрел — если будет по-настоящему опасно, нам скажут. Самое интересное в том, что во время каждого концерта нас, как правило, бомбили — зрителей было много, цель была отличной, а у немцев были свои информаторы в прифронтовой полосе. Но это было впереди — пока что представление прошло гладко, и мы начали работать.

У нас бывало максимум одиннадцать

концертов в день, минимум — один. Мы играли перед тысячами зрителей, играли и в окопах, где зрителей было двое, а актеров три-четыре... Мы делали свое дело, а я все думал — что же мне напоминает то ощущение, которое ни на минуту не покидает меня на фронте? И наконец я вспомнил — оно говорило мне о детстве.

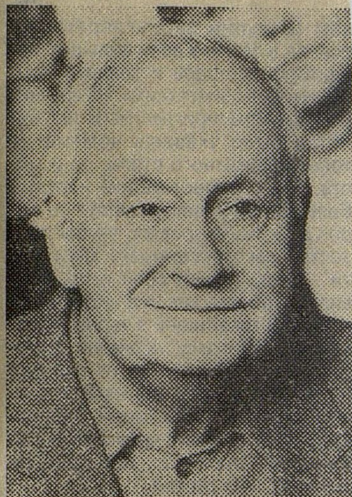
Дело в том, что ребенком я застал гражданскую войну. Моя семья вместе с Буденным бежала от Шкуро и Мамонтова из Воронежа в Армавир, Нальчик, Ростов. Я видел расстрелянных, я помню, как казак отхлестал моего друга нагайкой за то, что у того было красное пальто, я никогда не забуду, как на фанере висел комиссар Скрибис... Чувства тревоги, неустоенности, ощущение близкой смерти навсегда остались во мне и ожили через двадцать с лишним лет.

При нас умирали полюболюбившие нас офицеры, на наших глазах взорвалась машина с бригадой артистов Театра имени Станиславского и Немировича-Данченко — она отъехала от дороги метров на двести и взлетела на воздух...

Были и смешные вещи. Когда мы приехали в штаб генерала танковых войск Рыбалко, его денщик отработал: «Разрешите доложить, шайка артистов приехала»... Но ужаса было значительно больше.

Белоруссия, зима, гололед, оставшиеся в живых мальчишки катаются с гор, но не на санках. Подхожу поближе и вижу, что вместо саней они приспособили трупы немцев. Им задирали ноги, обливали их водой, тела заставляли — и ребята на них катались, держась за торчащие к небу ступни.

Помню, как мы сидели в одной избушке, нас принимал генерал, и вдруг

мимо повели пленных. Мы высыпали на крылечко, наш хозяин приказал их остановить и не без гордости спросил: «Ну что — капют Гитлер?» Ближайший немец плюнул генералу в лицо, тот спокойно вытащил пистолет — и пристрелил его.

Это было, как был и клич «За Родину, за Сталина!» — и из истории не выкинешь ни его, ни то, о чем я сейчас говорю.

Было ли страшно? Да, очень. Одну из наших актрис увезли после первой же бомбежки. Из брюнетки она стала белой как снег, у нее отнялись ноги, она ничего не понимала и не могла говорить. А в румынских горах мы напоролась на такое контрнаступление, что даже командиры говорили: «Ну все, ребята. Прощаемся. Хана». А я почему-то подумал не о семье, не о Родине, не о безумно любимом мной театре, а о футболе — Боже, неужели я никогда больше не попаду на матч? Это была моя последняя мысль — после нее весь этот ужас довольно скоро прекратился.

...Я в первый раз говорю о войне и больше не буду этого делать. Есть вещи, которые нельзя повторять: помню, как уже в мирное время я попал на выступление матери Зои Космодемьянской. Клянусь вам, я слушал ее без отрыва и ревел, как белуга. Я думал, она умрет — откровенность была потрясающей. Прошло два-три года, я снова попадаю на ее выступление и краснею до корней волос. Мне было стыдно за нее: фальшь была просто чудовищной, те же самые слова превратились в штамп...

Поэтому я никогда больше не буду рассказывать о нашем фронтовом театре.

Записал
Алексей ФИЛИППОВ.